DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06

"БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" В АРМЕНИИ: ПОТЕНЦИАЛ, ДОСТИЖЕНИЯ И РИСКИ ПОЛИТИКО-ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

А.В. Атанесян

АТАНЕСЯН Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной социологии факультета социологии, Ереванский государственный университет, Ереван. Для связи с автором: atanesyan@yandex.ru

Атанесян А.В. "Бархатная революция" в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности. – Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80-98. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06

Статья поступила в редакцию: 16.08.2018. Принята к печати: 29.09.2018

Аннотация. Тематика статьи сфокусирована на анализе протестной активности граждан Армении в апреле-мае 2018 г., приведшей к смене политических элит и провозглашению новыми элитами ряда направлений модернизации преимущественно внутренней политики Армении, включая борьбу с авторитаризмом, коррупцией и монополизацией экономики страны при прежней власти. Автор считает данные процессы закономерными и связанными с рядом объективных факторов, предшествовавших данным событиям, а также их восприятием в общественном сознании. В частности, институционализация механизмов формирования и циркуляции ресурса политической власти внутри единой политико-олигархической элиты привела к консервативной стагнации в экономике, что, в свою очередь, усугубило проблемы безработицы, бедности и, как следствие, массовой эмиграции. Политический дискурс касательно данных вопросов в СМИ и виртуальных социальных сетях в виду сравнительно высокого уровня свободы слова в Армении способствовал аккумуляции протестного потенциала и его реализации через массовые политические протесты последних лет. Накопленный опыт протестной активности также способствовал осуществлению событий весны 2018 г. Статья основана на включенном наблюдении автором динамики и моделей участия населения в протестах в апреле-мае 2018 г. Кроме того, источниками информации по описанию событий весны 2018 г. в Армении послужил анализ массива публикаций и дискуссий в социальных сетях, сопутствовавших протестам, а также интервью с представителями различных социальных слоев общества, армянскими экспертами – политологами, социологами, этнографами, историками и журналистами – в процессе событий. С целью выявления потенциала протестного политического участия населения Армении, предшествовавшего массовым протестам весной 2018 г., был проведен вторичный анализ результатов социологических опросов касательно уровня недовольства населения политикой властей по решению актуальных внутриполитических проблем. Автор предпринимает попытку дать экспертную оценку причин данных протестов, их форм проявления, а также особенностей коммуникативных и поведенческих моделей участников. В статье выявляются некоторые дисфункции протестной и особенно послепротестной ситуации, а также риски, связанные с формированием и развитием неблагоприятной информационной среды вокруг интерпретации событий весны 2018 г. в СМИ.

Ключевые слова: бархатная революция; Армения; протестный потенциал; модели протестного поведения; Никол Пашинян; борьба с коррупцией; виртуальные социальные сети; политическая коммуникация; дисфункции и риски.

ДИНАМИКА СОБЫТИЙ ВЕСНЫ 2018 г. В АРМЕНИИ

Протестные акции в Армении весной 2018 г. проходили с 31 марта по 8 мая, однако основными событиями с точки зрения массовости (в них участвовало по меньшей мере 200 тыс. чел.), интенсивности и значимости можно считать период с 17 апреля, когда бывший президент страны Серж Саргсян был избран парламентским большинством (Республиканской партией) премьер-министром Армении, и вплоть до 8 мая, когда на пост премьер-министра парламентское большинство в том же составе после повторного голосования и под нажимом общественности избрало оппозиционного лидера и представителя парламентского меньшинства Никола Пашиняна[1].

Одним из переломных моментов стал публичный диалог между С. Саргсяном и Н. Пашиняном 22 апреля, инициированный Саргсяном с тем, чтобы обсудить требования общественности, к тому моменту персонифицированные оппозиционной фигурой Пашиняна. Саргсян сражу же отметил нежелательность присутствия представителей СМИ, тогда как Пашинян как профессиональный журналист сделал из встречи пресс-конференцию, чем обеспечил своей позиции еще больше общественной легитимности. Диалог продлился всего несколько минут и был прерван С. Саргсяном, покинувшим переговоры сразу после того, как Пашинян высказал ему требование уйти с поста премьер-министра.

За прекращением переговоров последовали аресты протестующих (более 230), самого Н. Пашиняна и двоих его соратников, которые, будучи депутатами парламента, могли находиться под арестом без лишения депутатской неприкосновенности не дольше 72 часов. Протестная активность еще больше интенсифицировалась и распространилась на транспортные узлы (протестующие блокировали основные улицы Еревана, а также дорогу к международному аэропорту Звартноц). Протесты с блокированием улиц и приглашением присоединиться представителям полиции, армии и церкви[2] происходили во многих городах страны, аккумулируя протестный потенциал.

23 апреля можно считать ключевым моментом в динамике мирных массовых протестов: премьер-министр Армении Серж Саргсян объявил об отставке и заявил, что “Пашинян прав”[3]. Этот поступок был воспринят как попытка избежать массовых столкновений и уступить общественным настроениям, позволившая смягчить общественное недовольство Саргсяном.

Первого мая Н. Пашинян не набрал достаточного количества голосов в парламенте, однако (опять же – под нажимом общественности) лидирующая в парламенте Республиканская партия заявила, что на повторных слушаниях 8 мая, несмотря на свое несогласие с Пашиняном по поводу ряда существенных вопросов, в том числе связанных с безопасностью, больше не будет препятствовать его избранию. 8 мая 2018 г. Н. Пашинян был избран премьер-министром.

---

[1] *От редакции*. Когда статья была уже в макете, стало известно, что премьер-министр Армении Н. Пашинян подал в отставку. В стране вскоре должны будут пройти внеочередные парламентские выборы. Редакция журнала будет следить за развитием событий в этой республике.

[2] 22 апреля к протестующим присоединилось несколько представителей церкви, а на следующий день – несколько десятков военнослужащих. См., например: В Ереване десятки военных присоединились к протестующим. – *РИА Новости*. 23.0.2018. Доступ: https://ria.ru/world/20180423/1519199556.html (проверено 23.09.2018).

[3] Заявление премьер-министра Сержа Саргсяна. – *Официальный сайт премьер-министра Армении*. Доступ: http://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2018/04/23/Prime-Minister-Serzh-Sargsyans-statement/ (проверено 13.05.2018).

Включенное наблюдение и отслеживание общественного дискурса в течение всего протестного периода наводят на гипотезу, что отставка Саргсяна стала более важным событием, чем последовавшие за ней обсуждения в парламенте кандидатуры Н. Пашиняна на пост премьер-министра. Отставка Саргсяна означала лишение лидирующей Республиканской партии монополии на власть, а это было более сложной задачей, нежели избрание Пашиняна в условиях отсутствия пошатнувшегося доминирования одной из политических сил в парламенте. За Саргсяном логически должны были последовать отставки других должностных лиц. Соответственно, избрание премьер-министром Пашиняна стало одним из звеньев цепи коренных кадровых изменений.

Главным триггером массовых протестов (бунта) стало обещание президента С. Саргсяна не выдвигать свою кандидатуру на пост премьер-министра, однако после конституционных реформ и референдума 6 декабря 2015 г., в результате которых Армения перешла к парламентской форме власти, С. Саргсян нарушил публичное обещание и выдвинулся на пост премьер-министра в качестве безальтернативного кандидата.

В анализе событий весны 2018 г. в Армении необходимо учитывать спорность того, как следует называть и воспринимать произошедшие события. Учитывая контент выступлений политических лидеров протестов, их почти официально можно называть "бархатной революцией"; данное название уже закреплено в "Википедии" и на других энциклопедических сайтах, а также использовано многими национальными и глобальными медиа-агентствами[4].

Целесообразность использования данного термина неоднозначна по той причине, что дает основание проводить аналогии между событиями в Армении и "цветными революциями" на постсоветском пространстве (в Грузии, Украине и Кыргызстане) (см., например [Хабриева, Чиркин 2018; Наумов 2014]). Такая преемственность и тем более связь данных "цветных" революций с протестами в Армении всячески отрицается лидерами и участниками протестов[5].

Отнесение современных "цветных революций" к революциям как политическому явлению с конкретными причинно-следственными характеристиками – отдельный дискутивный вопрос. С одной стороны, ряд авторов предлагают относить "цветные" и "бархатные" революции к отдельному, неклассическому типу, ибо они не подпадают под классическое определение революции [Сиушкин, Милаева 2017]. С другой стороны, еще классик социологии Питирим Сорокин предупреждал об опасности подмены понятий и определения в качестве революции того, что не обладает достаточными для этого характеристиками, причем еще задолго до современных "цветных революций" называя подобные определения аналогичными терминами: "Определений ей [революции] существует великое множество. Наибольшее место среди них занимают определения, абсолютно негодные. Сюда относятся, с одной стороны, определения 'шоколадно-сладкие', с другой – 'уксусно-горькие'. Под ними

[4] Demytrie R. Why Armenia 'Velvet Revolution' won without a bullet fired. – *BBC News*. 01.03.2018. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-43948181 (проверено 01.07.2018); Vaun A. Armenia's 'Velvet Revolution': A masterclass in socialism. Armenians took a collective stand for basic socioeconomic rights – and they won. – *Al Jazeera*. 07.05.2018. URL: https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/armenia-velvet-revolution-masterclass-socialism-180507093619273.html (проверено 01.07.2018).

[5] "Это не Майдан": участники протестов в Ереване рассказали о своих мотивах. – *Новости НТВ*. 29.04.2018. Доступ: http://www.ntv.ru/novosti/2011781/ (проверено 03.09.2018); Революция с духом. Почему протесты в Армении – это не Майдан. – *Страна.UA*. 09.05.2018. Доступ: https://strana.ua/articles/140080-revoljutsija-s-dukhom.html (проверено 03.09.2018); Протесты в Армении – это не "клон Майдана". – *Sputnik Армения*. 03.05.2018. Доступ: https://ru.armeniasputnik.am/politics/20180503/11830385/protesty-v-armenii---ehto-ne-klon-majdana.html (проверено 03.09.2018).

я разумею те дефиниции, которые имеют дело не с реальными революциями, в той форме, в какой они даны в истории, а с чистыми фикциями, продуктом собственного воображения авторов таких определений" [Сорокин 1998: 28]. Вместе с тем, если акцентировать не столько фундаментальность причин и последствий революции, сколько механизмы борьбы за власть, проявляющиеся в оспаривании власти одной группы при условии обладания властью другой группой, когда в результате различных форм борьбы власть переходит от тех, кто ей обладал, к тем, кто на нее претендовал, а те, кто обладал властью, уходят с политической арены (см., например [Tilly 1978]), то современные политические протесты со сменой власти на постсоветском пространстве и в арабском мире соответствуют данному определению.

Таким образом, обоснование революционности "бархатной революции" в Армении требует рассмотрения результатов и последствий событий весны 2018 г. в долгосрочной перспективе. Для отражения молодежной компоненты протестов, ведущей роли молодежи в попытках модернизировать систему ценностей и политических отношений в Армении до и во время протестов весной 2018 г. возможно использование неформального названия "Армянская весна" (что не подразумевает аналогии с "Пражской весной" 21 августа 1968 г.).

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В АРМЕНИИ В ПРЕДДВЕРИИ "АРМЯНСКОЙ ВЕСНЫ" 2018 г.: АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И ВИРТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Цель данного исследования состоит в выявлении потенциала политико-протестной активности в армянском обществе в преддверии массовых протестов и смены власти весной 2018 г., а также достижений и возможных рисков "Армянской весны". Задачи анализа:

– определение ряда объективных и субъективных предпосылок, повлиявших на потенциал протестной активности в армянском обществе в преддверии событий весны 2018 г.;

– описание динамики "Армянской весны" и протестного поведения ее участников, включая гипотезу об элементах "сексуальной революции" в протестной активности молодежи;

– выявление и прогнозирование возможных рисков после "Армянской весны".

Включенное наблюдение реализовывалось через участие автора в массовых протестах, включая кульминационные дни 22 апреля – 8 мая 2018 г. (а также ночи с 22 на 23 и с 23 на 24 апреля), регистрирование вербальных и визуальных слоганов лидеров и участников протестов, динамики группового и массового поведения (видов политического участия), хронологии событий. Кроме того, был предпринят анализ массива публикаций и дискуссий в социальных сетях, сопутствовавших протестам, а также интервью с представителями различных социальных слоев общества, армянскими экспертами – политологами, социологами, этнографами, историками и журналистами – в процессе событий. С целью выявления потенциала протестного политического участия населения Армении, предшествовавшего массовым протестам весной 2018 г., был проведен вторичный анализ результатов социологических опросов касательно уровня недовольства населения политикой властей по решению актуальных внутриполитических проблем, а также восприятия гражданами Армении легитимности массовых политических протестов как способа реализации гражданской позиции и интересов.

Гипотеза исследования в том, что политико-протестный потенциал в армянском обществе стал следствием накопленных за последнее десятилетие фундаментальных социально-экономических проблем, таких как низкая заработная плата, монополизация и стагнация экономики, отсутствие рабочих мест и перспектив, массовая трудовая эмиграция, переходящая в эмиграцию, как следствие, постоянное сокращение численности населения. Субъективным критерием потенциала протестной активности может быть уровень восприятия населением приемлемости и необходимости реализации гражданских интересов через массовый протест (протесты как часть актуальной политической культуры в армянском обществе), а также наличие положительного опыта протестной активности в недавнем прошлом. Данные факторы при условии относительно высокого уровня свободы слова и механизмов реализации протестного дискурса через более контролируемые (СМИ) и более свободные каналы массовой информации и коммуникации (интернет, социальные сети) обеспечивают реализацию антиправительственной политической активности населения через массовый протестный дискурс и протестную деятельность.

Не ставя перед собой задачу выявления механизмов воздействия современных средств массовой коммуникации (СМК) и, в частности, виртуальных социальных сетей на динамику реализации протестной активности населения Армении весной 2018 г., мы все же коснемся тех подходов к вопросу, которые могут быть полезными в анализе форм коммуникативного выражения протестной активности. Научная дискуссия о роли СМК (в особенности виртуальных соцсетей) в генерировании протестных настроений (вплоть до мнения о возможности искусственного конструирования "революции" через СМК) и управлении протестным поведением уходит в более широкую область вопросов воздействия виртуальной коммуникации на политическое участие различных слоев общества, в том числе политических элит (см. например [Carlisle, Patton 2013; Larsson, Kalsnes 2014; Kalsnes 2016; Ott 2017; Salvador et al. 2017; Borgesius et al. 2018]), и включает аргументы как за, так и против решающей роли СМК в управлении современными "революциями" [Lane 2008; Chebib, Sohail 2011; Salanova 2012; Wolfsfeld, Segev, Sheafer 2013; Lange 2014 и др.]. В частности, в подтверждение существенной роли социальных медиа в протестном поведении приводятся такие функции интернет-коммуникации, как формирование виртуальных сетей с участием протестующих, постоянная циркуляция информации, формирование групповой идентичности [Breuer 2012], оперативность обмена информацией через виртуальные социальные сети, сложность контроля над ней по сравнению с традиционными СМИ, возможность синхронизации действий [Metzger, Tucker 2017; Сундиев, Смирнов 2016].

Вместе с тем роль социальных медиа в массовых политических протестах и смене власти, в частности, в контексте "Арабской весны", ряд авторов считает сопутствующей, но никак не первостепенной, а причинно-следственная связь между информационной деятельностью в соцсетях и возникновением протестов также считается спорной. Многие указывают на увеличение количества пользователей соцсетей (в частности, *Facebook*) в условиях массовых политических протестов (см., например [The Role... 2013; Marzouki et al. 2012]), однако это причина или следствие массовых протестов? По-прежнему открыт вопрос, поднятый еще в прошлом веке авторами критических теорий СМИ, а именно: что первично – поведение людей в новой ситуации, когда вызван-

ный объективной неопределенностью рост потребления соответствующей жанровой информации становится вторичным фактором (чем больше мы участвуем в протестах, тем больше нас интересует соответствующая информация), или, наоборот, потребление жанровой информации (например, сцен насилия) в СМИ вызывает рост преступности [Taylor, Harris 2008; The Handbook of Media... 2014].

Массовые протесты весны 2018 г. в Армении активно освещались и обсуждались в традиционных СМИ и виртуальных социальных сетях, в частности, в сети *Facebook*. Как и в случае с политическими переворотами "Арабской весны", потребление социальных сетей и особенно *Facebook* в Армении в условиях "Армянской весны" несколько выросло (88,69% от количества всех пользователей), однако и до этого количество пользователей *Facebook* в Армении было очень высоким[6].

Соглашаясь с важнейшей ролью современных СМИ и СМК в обеспечении оперативного и массового распространения различных месседжей, представляется спорным аргумент о невозможности массовых протестов без использования мобильных телефонов и участия (или даже вмешательства) соцсетей и их модераторов. Массовые политические протесты как форма политического участия имели место на протяжении всей политической истории, и большинство из них, в том числе со сменой власти, произошли без традиционных и современных СМК [7].

Рассмотрим протестный потенциал армянского общества в преддверии массовых протестов весной 2018 г., а также основные причины, стимулировавшие протестную активность в различных ее формах (в том числе в форме массовой эмиграции из Армении) на протяжении последних лет.

Если посмотреть на уровень доверия населения институтам политической власти, то можно видеть, что в последние годы ряд политических институтов, таких как политические партии, парламент, правительство и президент, были крайне неавторитетными в широких кругах населения (см. рис. 1)[8].

В армянском обществе патерналистские ожидания от государства превалируют над восприятием государства в качестве "служащего", которым общество само способно управлять. По-видимому, это следствие исторической памяти и инерционного воздействия советских традиций взаимоотношений между государством и обществом в ряде постсоветских государств, включая Армению (см. рис. 2).

С одной стороны, превалирование ожиданий большей части населения в отношении государства как "родителя", "спонсора", "попечителя", который будет брать на себя всю ответственность и вместе с тем решать основные вопросы вместо своих граждан, обеспечивая их всем необходимым, выплачивая

[6] *Social Media Stats Armenia, July 2017-July 2018.* URL: http://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/armenia (accessed 15.08.2018).

[7] Можно привести в пример впервые названные "бархатной революцией" массовые протесты в Чехословакии 17 ноября – 29 декабря 1989 г., приведшие к поражению Компартии Чехословакии, смене однопартийной системы и внедрению капиталистической экономики (см., например: [Shepherd 2000]). Данные протесты происходили без современных СМК – мобильных телефонов и виртуальных средств коммуникации, что не помешало их актуализации.

[8] Данный и последующие графики составлены на базе данных Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: http://www.crrc.am/caucasusbarometer/documentation?lang=en (accessed 05.07.2018).

людям зарплату, пенсию, стипендии и т.д. С другой стороны, низкое доверие тем самым институтам власти, в отношении которых все еще наблюдаются завышенные общественные ожидания. Это создает протестную среду, причем в отношении как институтов власти вообще, так и конкретных ее представителей.

В объяснении причин протестного потенциала населения необходимо учитывать не только особенности общественного восприятия, но прежде всего объективные причины общественного недовольства, в частности, социально-экономического свойства, которые определяют уровень жизни населения и создают среду для позитивного или негативного восприятия деятельности политических институтов.

Рисунок 1 (Figure 1)

Уровень доверия населения политическим институтам, %

People's Trust in Political Institutions, per cent

Рисунок 2 (Figure 2)

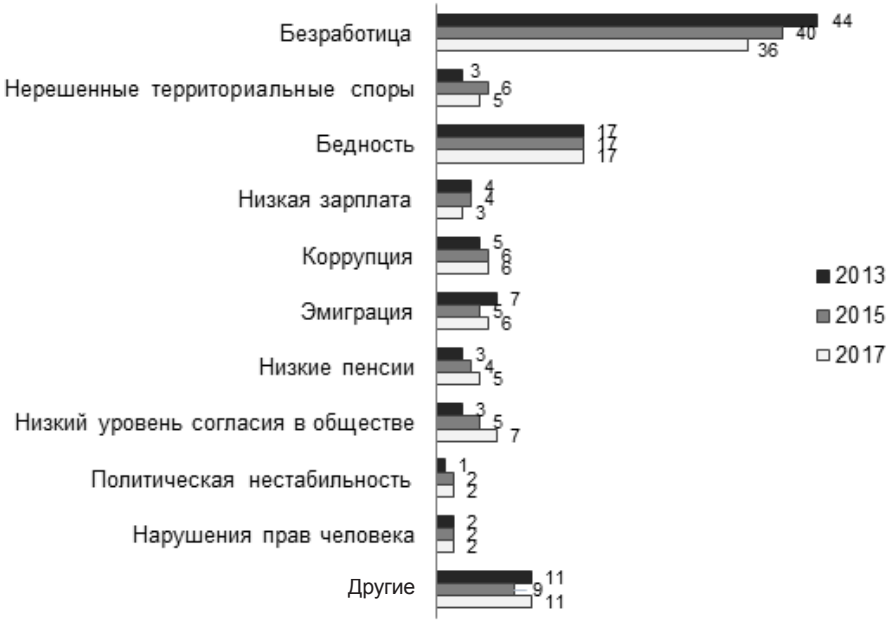
Роль государства как "родителя" или "служащего"[9], %
The Role of the State as a "Parent" or "Employee", per cent

Опросы населения Армении показывают, что на протяжении многих лет больше всего его беспокоят безработица и бедность (см. рис. 3).

Рисунок 3 (Figure 3)

Основные проблемы, волнующие население Армении, %
The Major Concerns of the Population of Armenia, per cent

[9] Ответ на вопрос: "Должно ли государство выступать в роли 'родителя' или 'служащего'?".

Безусловно, кроме сугубо экономических проблем граждан Армении волнуют и вопросы, связанные с политической ситуацией в стране – коррупцией, уровнем защищенности прав человека, нерешенным территориальным конфликтом, однако низкий уровень экономической защищенности населения остается главной проблемой, а также основной причиной эмиграции.

Если посмотреть на результаты опросов, в преддверии массовых протестов 2018 г. каждый третий гражданин Армении был готов навсегда уехать из страны (см. рис. 4).

Эмиграцию, а также низкий уровень доверия большинству институтов политической власти можно считать постоянными формами выражения протестного поведения граждан Армении в отношении высокого уровня безработицы и бедности населения, сохраняющихся длительное время. Поэтому протестные процессы в армянском обществе нельзя считать чем-то необычным или неожиданным, зависящим лишь от современных сетевых информационных технологий.

Рисунок 4 (Figure 4)

Готовность навсегда покинуть Армению[10], %

Would You Leave Armenia Forever to Live Somewhere Else?, per cent

Консолидация высокого протестного потенциала армянского общества может быть ускорена через сетевые информационные технологии, и этим современные политические процессы отличаются от традиционных протестов без вмешательства СМК.

Протестный потенциал армянского общества в преддверии массовых протестов весны 2018 г. представлен на рис. 5. Как видно, большая часть представителей армянского общества (в частности, в последние годы) считает протестное поведение в отношении власти нормальным явлением, а количество людей, для кого антиправительственные протесты – необходимость, в последнее десятилетие периодически росло. Опять же, для смещенной в результате массовых протестов весны 2018 г. политической элиты в лице премьер-министра

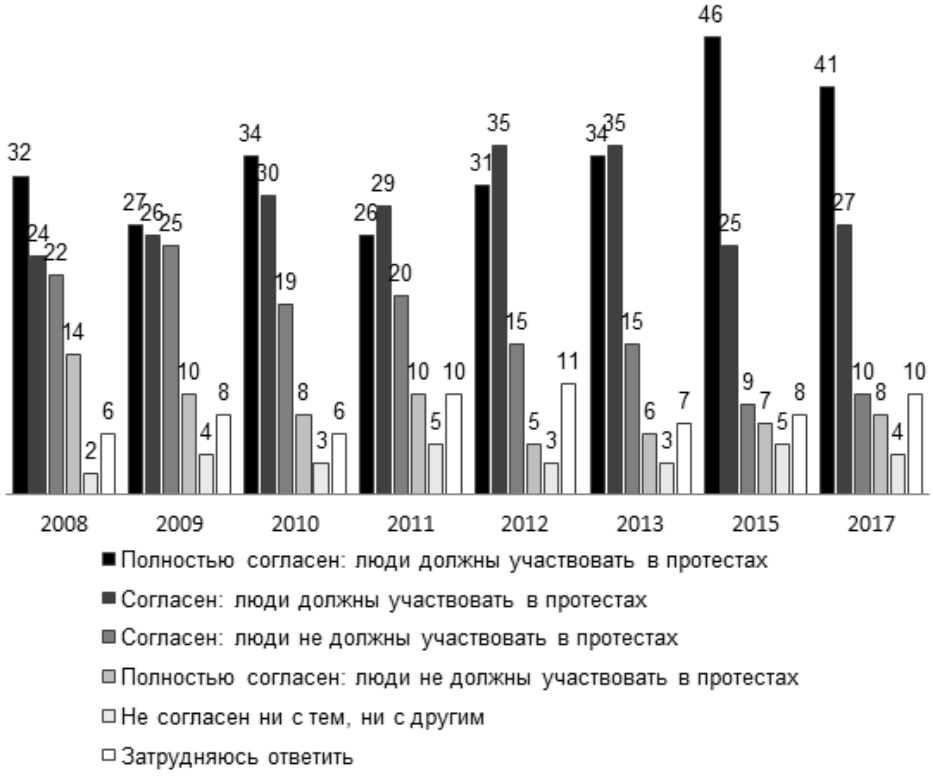
[10] Ответ на вопрос: "Готовы ли Вы навсегда покинуть Армению и поселиться в другой стране?".

С. Саргсяна и его соратников по Республиканской партии высокий протестный потенциал армянского общества не должен был быть неожиданностью, однако представители политической элиты, по всей вероятности, долгие годы делали ставку на реализацию протестного потенциала граждан Армении сугубо через эмиграцию, а также свободу слова, через которую общество могло "выпускать пар" своего недовольства (уровень свободы слова и СМИ в Армении самый высокий среди стран Евразийского экономического союза)[11]. Неслучайно одной из основных тем протестного дискурса было обвинение властей в провоцировании эмиграции из страны вследствие неэффективной экономической политики, коррупции и монополизации национальных ресурсов.

Рисунок 5 (Figure 5)

Уровень готовности граждан Армении участвовать в антиправительственных протестах (2008-2017)[12], %

Should the People Participate in Protest Actions Against the Government? (2008-2017), per cent

Наконец, необходимо учитывать накопленный за последние годы опыт протестной активности населения Армении, в частности, молодежи, по поводу внутриэкономических и внутриполитических проблем. Из наиболее знаковых и массовых протестов последнего десятилетия следует упомянуть актуальные и сегодня массовые столкновения с полицией по поводу результатов президентских

[11] См., например: *Freedom House, Freedom in the World 2018*. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/armenia (accessed 11.08.2018).

[12] Ответ на вопрос: "Должны ли граждане выступать с антиправительственными протестами?".

выборов в феврале-марте 2008 г., а также протесты против планов подорожания общественного транспорта (июль 2013 г.), электроэнергии ("Электрический Ереван", июнь-сентябрь 2015 г.)[13]. Наконец, в июле 2016 г. военизированная группа, состоявшая из бывших добровольцев карабахской войны, бывших военных и единомышленников, захватила в Ереване здание полка ППС и выдвинула требование отставки президента и правительства, вызвавшее массовые столкновения поддерживавших данное требование групп населения с полицией[14]. Тогда требования вооруженной группы "Сасна Црер" и митингующих разделили население на тех, кто их одобрял, оправдывал и осуждал [Фомин, Силаев 2018].

Таким образом, анализ объективных и субъективных предпосылок массовых протестов в Армении весной 2018 г. подтверждает гипотезу, что на протяжении последнего десятилетия в армянском обществе нарастал уровень недовольства деятельностью политических институтов и правящих элит, а участие в массовых протестах и их необходимость в качестве легитимной формы политического участия постепенно стали частью политической культуры общества. Параллельно накапливался опыт политико-протестной активности с участием различных слоев населения, включая опыт как мирных, так и силовых столкновений с представителями власти, а в условиях относительной свободы СМИ и особенно СМК в стране данный опыт обретал массовость, становясь предметом общенационального дискурса. Данные факторы послужили актуализации и консолидации протестного потенциала армянского общества весной 2018 г.

МОДЕЛИ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЕСНОЙ 2018 г. В АРМЕНИИ

Изначальный принцип протестного поведения – неприятие насилия, о чем с публичных площадок призывал лидер протестов Н. Пашинян. Следует заметить, протестующие не следовали безоговорочно слоганам и призывам лидеров; протестный дискурс формировался как на улицах и площадях Еревана и других населенных пунктов, так и в кафе, ресторанах, ночных клубах и пабах (излюбленных площадках бытовой коммуникации молодежи), параллельно с обычной жизнью людей. Обсуждения и координация массового поведения выстраивались вокруг задач, ставившихся во время вечерних выступлений Пашиняна и его соратников на площади Республики в Ереване. Однако это не мешало участникам высказывать свои взгляды, в том числе в отношении Пашиняна и границ приемлемости форм протестного поведения. Важной составляющей протестного дискурса были оценки деятельности бывшего президента Саргсяна, представителей Республиканской партии и других политических сил.

В дальнейшем к призывам ненасильственного поведения добавились "любовь", "солидарность" и "толерантность" как основные слоганы, которым, согласно выступлениям Н. Пашиняна и реакции протестующих, было необходимо следовать.

---

[13] См., например: В Ереване вспоминают жертв трагических событий 1 марта. – *Информационное агентство REGNUM*. 14.08.2018. Доступ: https://regnum.ru/news/2386192.html (проверено 27.07.2018); Протесты в Армении: борьба за выживание. – *Русская служба BBC News*. 02.07.2015. Доступ: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150702_yerevan_atmo_protests (проверено 27.07.2018); "Драматическая транспортная ситуация". – *Газета.ru*. 25.07.2013. Доступ: https://www.gazeta.ru/social/2013/07/25/5509741.shtml (проверено 27.07.2018).

[14] См., например: Год назад группа "Сасна Црер" захватила полк ППС в Ереване. – *Спутник Армения*. 17.07.2017. Доступ: https://ru.armeniasputnik.am/armenia/20170717/7625787/god-nazad-gruppa-sasna-crer-zahvatila-polk-pps-v-erevane.html (проверено 15.08.2018).

Ненасильственное поведение протестующих было скорее активным, нежели пассивным. Пассивному ожиданию действий со стороны представителей власти и таким моделям ненасильственного протеста, как молчаливое сопротивление[15], протестующие предпочли активные формы асимметричной коммуникации. В частности, на попытки полиции арестовать протестующих те сами протягивали им руки и с улыбкой предлагали надеть на них наручники; девушки-протестующие подходили к заграждающим путь полицейским и в ответ на попытки их арестовать обнимали их.

Как и во время предыдущих протестных акций, в событиях "Армянской весны" ключевую роль сыграли молодежь и представители среднего возраста. Именно молодые люди перекрывали улицы сидячей забастовкой или останавливали свои автомобили прямо посредине проезжей части и, выключив двигатель, выходили из машин. Студенты шествовали по улицам с флагом Армении, призывая прохожих присоединиться.

"Армянская весна" 2018 г. продемонстрировала ведущую роль нового поколения женщин в выражении гражданской позиции и готовности управлять будущим своего государства и общества. Протесты молодых женщин против традиционной маскулинной власти мужчин в основном пожилого и среднего возраста имели не только политический, но и гендерный аспект. Маскулинность, стереотипно приписываемая армянскому обществу, в данном случае не имела ни функционального, ни символического выражения. Можно сказать, что массовые протесты послужили очередным поводом для раскрепощения женской половины армянской молодежи в плане публичного свободного выражения чувств и эмоций. Активная и во многих ситуациях лидирующая позиция молодых представительниц армянского общества позволяет говорить также о тенденциях сексуальной революции в Армении, что отчасти проявилось в слогане "*Революция любви и солидарности*".

Информационное сопровождение политических событий в Армении в форме прямых видеообращений нового премьер-министра и членов правительства на их страницах в *Facebook*, виртуальных форумов с возможностью задать вопрос и получить ответ в режиме *live*, а также активное обсуждение, слоганы в виде интернет-публикаций и т.д., можно считать продолжением прямого диалога между общественностью и политическими лидерами весной 2018 г., а также инновацией в области политических коммуникаций, пользующейся высоким спросом у населения Армении[16].

Наконец, следует отметить, что за время протестных акций весной 2018 г. в Армении не произошло ни одного инцидента с летальным исходом, ни одного прямого агрессивного насильственного акта в отношении полиции и других представителей власти[17].

---

[15] Протестное поведение в Армении весной 2018 г. можно рассматривать в контексте философии ненасильственной революции Махатмы Ганди [Ганди 2012], хотя данная тема заслуживает более детального изучения.

[16] Интересно заметить, что у представляемого Н. Пашиняном Союза "Елк" нет своего интернет-сайта, и Союз представлен только на странице в *Facebook*. URL: https://www.facebook.com/yelqdashinq/ (проверено 15.08.2018).

[17] Для сравнения: во время массовых протестов в Ереване 1 марта 2008 г. погибло 10 человек, более 200 человек получили ранения. См., например: Десять лет со дня трагедии. Армения вспоминает события 1 марта. – *Агентство международной информации*. 01.03.2018. Доступ: http://newsarmenia.am/news/analytics/desyat-let-so-dnya-tragedii-armeniya-vspominaet-sobytiya-1-marta/ (проверено 13.08.2018).

Некоторые дисфункции и риски протестного поведения. Неоднозначность восприятия причин "армянской весны" во внутри- и внешнеполитическом сообществе

Как уже было отмечено, важной составляющей внешнеполитического дискурса вокруг "Армянской весны" было ее сравнение с "бархатными революциями" в Украине, Грузии и Кыргызстане. На подобные сравнения наталкивали выступления лидеров протестов, в том числе самого Никола Пашиняна, в которых приведшие к смене власти протесты, несмотря на их иное восприятие в экспертной среде (с учетом неизменности системы экономических взаимоотношений и системы ценностей, отсутствия новой целостной идеологии), все же назывались "Бархатной революцией". Кроме того, во время протестов выдвигались схожие с "цветными революциями" в других постсоветских республиках лозунги демократизации и борьбы с коррупцией. Иными словами, постоянно повторяя, что "это не Майдан", протестующие называли свою активность "Бархатной революцией", оставив открытым вопрос об особенностях различных "бархатных революций".

Ассоциативному восприятию протестов и смены власти в Армении как разновидности "Майдана" способствовали также попытки аналитиков и журналистов прибегать к методу аналогии в политическом анализе событий в Армении, в результате чего можно было делать и активно транслировать поспешные выводы, даже не будучи очевидцем событий и наблюдая за ними по телевизору. Подобная "аналитика", к сожалению, стала одним из основных компонентов политизации дискурса вокруг событий в Армении в СМИ, в том числе в странах-союзницах, а в случае с информационным полем Российской Федерации, выходящим далеко за пределы РФ и покрывающим весь русскоязычный мир, анализ событий в Армении быстро обрел секьюритизированную форму[18] с намеками на очередной "антироссийский Майдан"[19]. Параллельно в западных СМИ прослеживалась тенденция показать протесты и смену власти в Армении в качестве важнейших событий, направленных на демократизацию и реформы, что в контексте современной конфронтационной политики стран ЕС и США в отношении России послужило дополнительным аргументом для российских СМИ в пользу обостренного восприятия "антироссийского" акцента "Армянской весны".

В сложившейся ситуации ставшая неизменным компонентом выступлений премьер-министра Н. Пашиняна фраза, вынесенная в заголовок его интервью: "Я не пророссийский, я не проамериканский... я проармянский политик"[20], явно недостаточна и не помогает сдерживанию критики его внешнеполитических действий в качестве "антироссийских" со стороны российских СМИ[21], которым активно вторят ведущие на протяжении более двух десятилетий антиармянскую

[18] "Секьюритизация" определяется как крайняя форма политизации того или иного вопроса в политическом дискурсе с целью привлечения особого внимания целевой аудитории, а также мобилизации дополнительных ресурсов для вмешательства в проблемную ситуацию. Об этом см., например [Buzan, Wæver, de Wilde 1997: 23-26].

[19] См., например: Люди Сороса из команды Пашиняна выдавливают военную базу России из Армении. – *Eurasia Daily.* 31.07.2018. Доступ: https://eadaily.com/ru/news/2018/07/31/lyudi-sorosa-iz-komandy-pashinyana-vydavlivaet-voennuyu-bazu-rossii-iz-armenii (проверено 05.08.2018).

[20] См., например: Никол Пашинян: "Я не пророссийский, я не проамериканский... я проармянский политик". – *NovostiNK.ru.* 30.04.2018. Доступ: http://novostink.ru/armenia/235922-nikol-pashinyan-ya-ne-prorossiyskiy-ya-ne-proamerikanskiy-ya-proarmyanskiy-politik.html#ixzz5NHzpwIhy (проверено 05.08.2018); Лидер оппозиции Пашинян готов выдвинуться от народа в премьеры Армении. – *ТАСС.* 24.04.2018. Доступ: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5155707 (проверено 05.08.2018).

[21] См., например: Брюссельский облом. Никол Пашинян решил опробовать путь Порошенко. – *Lenta.ru.* 19.07.2018. Доступ: https://lenta.ru/articles/2018/07/18/pashinyan/ (проверено 05.08.2018).

информационную войну азербайджанские СМИ[22]. В этом смысле информационное сопровождение событий в Армении со стороны ряда российских СМИ осуществляется в унисон с азербайджанской информационной политикой и становится элементом угрозы информационной безопасности Армении.

Следует признать, что со стороны новых элит Армении, диппредставительств, а также армянских информационных агентств не наблюдается достаточных по объему конструктивных мер по предоставлению российским политическим ведомствам и СМИ полноценного, качественного и эксклюзивного материала о событиях в Армении, адекватно отражающего реальное положение дел, а также постоянной адекватной коммуникации в целях совместного формирования, фрейминга и трансляции месседжей относительно происходящих в Армении политических процессов. Как и раньше, армянские СМИ в основном действуют реактивно (отвечают на ситуативные изменения и вызовы извне, не формируя собственную информационную среду), а также нацелены прежде всего на внутреннюю аудиторию, что в условиях политических событий, подобных массовым протестам и смене власти в стране, является слабым звеном информационной политики.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА

Формирование правительства Армении и последующие назначения должностных лиц вызывают вопросы. С одной стороны, в результате кадровых изменений политическая элита помолодела. С другой стороны, в правительстве по-прежнему две женщины-министра[23], хотя на некоторых руководящих должностях впервые появились руководительницы[24].

Не совсем понятен подход премьер-министра к назначениям на руководящие должности. Н. Пашиняна нельзя обвинить в привязанности к партийным списками; его политические назначения не ограничиваются членами представляемого им Союза "Елк"[25]. При этом часть должностных лиц назначены не из кадрового состава государственных ведомств, а извне, причем для многих эти назначения стали беспрецедентным кадровым скачком. Мотивы и механизмы назначений непрозрачны.

Отсутствие у ряда представителей нового правительства соответствующего их должностям опыта, а также их коммуникативная гиперактивность, в частности, в виртуальных соцсетях с видимостью подотчетности, создают риск замены реальных и эффективных, профессиональных действий и ведомственных реформ популизмом, который в длительной перспективе может иметь обратный эффект.

---

[22] Дугин: "Пашинян дразнит русского медведя". 02.08.2018. Доступ: https://haqqin.az/news/133562 (проверено 05.08.2018); Новая власть Армении взялась за старых друзей России. В Москве недовольны. – *Lenta.ru*. 03.08.2018. Доступ: http://www.1news.az/news/lenta-ru-novaya-vlast-armenii-vzyalas-za-staryh-druzey-rossii-v-moskve-nedovol-ny (проверено 05.08.2018).

[23] См. Правительство Республики Армения. Доступ: http://www.gov.am/ru/structure/ (проверено 05.08.2018); "Правительство Армении: кто кого сменил". – *Спутник*. 14.05.2018. Доступ: https://ru.armeniasputnik.am/infographics/20180514/12017592/pravitelstvo-armenia-polnyj-sostav-infografika.html (проверено 05.08.2018).

[24] См., например: Свежий воздух: девушки и женщины в правительстве Армении. 01.07.2018. Доступ: https://armenia.im/2/277638 (проверено 05.08.2018).

[25] Вместе с тем, предвыборная компания в мэры и Совет старейшин Еревана 23 сентября показала явную поддержку Пашиняна одному из кандидатов (Блок "Мой шаг") через участие в его предвыборной агитации и отмежевание от других кандидатов, в том числе от единомышленников по Союзу "Елк".

Ненасилие и толерантность: риски раскола внутри общества

Говоря о принципах ненасилия и толерантности, провозглашенных в качестве основных лозунгов массовых протестов "Армянской весной" 2018 г., следует заметить, что наряду с конструктивными формами асимметричной коммуникации с представителями власти, в основном инициируемыми на микроуровне, как, скажем, попытки диалога и призывы к полиции, представителям церкви, военным присоединиться к протестам, митингующие активно использовали также активно-агрессивные коммуникативные формы, в частности, карикатуры на Сержа Саргсяна, депутатов парламента от Республиканской партии, членов правительства.

Демонстрация подобных карикатур с изображением политических лидеров в виде персонажей известных мультфильмов, животных с измененными частями тела, демонстрирующими прожорливость и уродство, а также публичные агрессивные действия по отношению к прямым изображениям политических лидеров, например, публичное сожжение портретов или их несение по улице в качестве части имитируемой похоронной процессии с цветами, не соответствовали призывам к толерантности. Более того, небольшие группы митингующих специально ходили по адресам проживания данных политиков и проводили микродемонстрации с использованием подобных плакатов перед их окнами, что не только не вызывало одобрения, но и массово осуждалось другими митингующими.

Соответственно, как в реальных, так и в виртуальных публичных обсуждениях, сопровождавших массовые протесты, просматривались подгруппы сторонников более жестких мер в отношении прежних элит. Раскол между сторонниками более и менее толерантного отношения к представителям прежней власти распространился и на тех, кто активно требует и поощряет судебные преследования бывших политических лидеров, в том числе второго президента Армении Роберта Кочаряна[26], а также тех, кто напоминает о необходимости конструктивного диалога со всеми представителями элиты и общества в интересах обеспечения преемственности политических реформ и развития Армении совместными усилиями.

Параллельно росту популярности новых политических элит в международном сообществе (показательный пример Армении как государства, избравшего путь демократических преобразований через мирное волеизъявление общества), вероятно углубление раскола внутри самого армянского общества по меньшей мере на четыре подгруппы, а именно: 1) безапелляционно поддерживающий Пашиняна авангард "блюстителей революции"; 2) других активных участников протестов, которые выступают за существенные реформы безотносительно к тому, кто их возглавляет, и критикуют Пашиняна за сфокусированность на публичной активности вместо решения глубинных социально-экономических вопросов; 3) представителей прежней элиты и их сторонников, часть которых переметнулась на сторону новых элит, а часть продолжает использовать накопленный экономический и социальный капитал для обеспечения своей неприкосновенности; 4) аполитизированный сегмент общества, который по-прежнему озабочен внутриэкономическим состоянием в стране и является потенциальной группой эмигрантов. Последующие политические процессы вокруг укрепления новых элит во власти (в частности, досрочные парламентские выборы и консолидация сил вокруг них) могут стать потенциальным триггером для открытых столкновений между представителями вышеназванных групп.

[26] См., например: Арест экс-президента Армении его офис считает "вендеттой". – *Regnum*. 02.08.2018. Доступ: https://regnum.ru/news/2455666.html (проверено 02.08.2018).

РИСКИ ПУБЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Деятельность нового правительства, а также аресты бывших представителей политической элиты (которые продолжают быть представителями экономической элиты) активно освещаются в СМИ и во всех подробностях дискутируются в соцсетях, что также вызывает ряд вопросов, в том числе с точки зрения целесообразности массового обсуждения по сути уголовных дел. Активное публичное обсуждение уголовных дел с политическим подтекстом, проходящее под улюлюканье и агрессивные выкрики пользователей соцсетей вслед за очередным сообщением об аресте того или иного деятеля, создает риски политизации судебных решений, потакания массовым настроениям и может подталкивать судебно-исполнительную систему к ускоренным процедурам в ущерб тщательности и объективности делопроизводства[27].

Как уже было отмечено, массовые протесты сопровождались обсуждением в соцсетях, а после смены власти виртуальные социальные сети продолжают играть важнейшую роль в отражении событий в стране, включая принимаемые политические решения. Премьер-министр страны и члены правительства общаются с пользователями *Facebook* через видеообращения и видеоконференции, а все подробности заведения уголовных дел на политических деятелей, аргументы в пользу принятия тех или иных политических решений, в том числе домыслы и слухи, находятся на поверхности виртуальных информационных потоков. Угрозы подобной практики открытых информационных потоков касательно деятельности государства, органов власти и госбезопасности, а также поведения политической элиты, связаны с вероятностью непреднамеренной утечки важной информации в угоду обеспечения массовости и популярности проводимой политики и принимаемых решений. Общедоступность информации касательно особенностей функционирования государственной машины может быть на руку внешнеполитическим соперникам, которые со временем смогут не только приобщиться к внутриполитической системе коммуникации Армении, но и адаптировать открытый интерактивный компонент информационного пространства деятельности армянской политической элиты к собственным целям и задачам, что по сути представляет собой угрозу безопасности Армении в ближайшем будущем.

Ганди М. 2012. *Революция без насилия*. М.: Алгоритм. 480 с.

Наумов А.О. 2014. “Цветные революции” на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя. – *Государственное управление. Электронный вестник*. № 45. Август. С. 148-178.

Сиушкин А.Е., Милаева О.В. 2017. Теории социальной революции XX в. в Западной Европе и США: обзор основных направлений. – *Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 г. (общество, политическая коммуникация, философия, культура)*. Сб. ст. всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 29-30 сентября 2017 года). Под ред. О.В. Милаевой, О.В. Черновой. Прага: Sociosfera-CZ. С. 190-208. https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.19

Сорокин П.А. 1998. *Социология революции*. М: РОССПЭН. 703 с.

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. 2016. *Теория и технологии социальной деструкции (на примере “цветных революций”)*. М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий. 433 с.

[27] О подобном давлении общественности на подследственных в нарушение принципа презумпции невиновности высказался Защитник прав человека Армении А. Татоян. Доступ: http://www.ombuds.am/media/qreakan-gorceri-qnnutyan-veraberyal.html#.W27QZu-XKNo.facebook (проверено 13.08.2018).

Фомин И.В., Силаев Н.Ю. 2018. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 78-92. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. 2018. *“Цветные революции” и “арабская весна” в конституционном измерении*. М.: Норма, ИНФРА М. 192 с.

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. 1997. *Security. A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers Inc. 239 p.

Borgesius F.J.Z., Möller J., Kruikemeier S., Fathaigh R.Ó, Irion K., Dobber T., Bodo B., de Vreese C. 2018. Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy. – *Utrecht Law Review*. Vol. 14. No. 1. P. 82-96. http://doi.org/10.18352/ulr.420

Breuer A. 2012. *The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest Evidence from the Tunisian Revolution*. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik gGmbH. 33 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (accessed 09.09.2018).

Carlisle J.E., Patton R.C. 2013. Is Social Media Changing How We Understand Political Engagement? An Analysis of Facebook and the 2008 Presidential Election. – *Political Research Quarterly*. Vol. 66. No. 4. P. 883-895. https://doi.org/10.1177/1065912913482758

Chebib N.K., Sohail R.M. 2011. The Reasons Social Media Contributed to The Egyptian Revolution. – *International Journal of Business Research and Management*. Vol. 2. No. 3. P. 139-162.

Kalsnes B. 2016. The Social Media Paradox Explained: Comparing Political Parties' Facebook Strategy Versus Practice. – *Social Media + Society*. April-June. P. 1-11. https://doi.org/10.1177/2056305116644616

Lane D. 2008. The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? – *BJPIR*. Vol. 10. P. 525-549. https://doi.org/10.1111/j.1467-856x.2008.00343.x

Lange S. 2014. The End of Social Media Revolutions. – *The Fletcher Forum of World Affairs*. Vol. 38. No. 1. Winter. P. 47-68. URL: https://static1.squarespace.com/static/579fc2ad725e253a86230610/t/57ec77fabe6594808a454108/1475115002886/38-1_Lange1.pdf (accessed 15.09.2018).

Larsson A. O., Kalsnes B. 2014. 'Of course we are on Facebook': Use and non-use of social media among Swedish and Norwegian politicians. – *European Journal of Communication*. Vol. 29(6). P. 653-667. https://doi.org/10.1177/0267323114531383

Marzouki Y., Skandrani-Marzouki I., Be´jaoui M., Hammoudi H., Bellaj T. 2012. The Contribution of Facebook to the 2011 Tunisian Revolution: A Cyberpsychological Insight. – *Cyberpsychology, Behavior, And Social Networking*. Vol. 1. No. 5. P. 237-244. https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0177

Metzger M.M., Tucker J.A. 2017. Social Media and EuroMaidan: A Review Essay. – *Slavic Review*. Vol. 76. No. 1. P. 169-191. https://doi.org/10.1017/slr.2017.16

Ott B. L. 2017. The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement. – *Critical Studies in Media Communication*. Vol. 34. No. 1. P. 59-68. http://dx.doi.org/10.1080/15295036.2016.1266686

Salanova R. 2012. *Social Media and Political Change: The Case of the 2011 Revolutions in Tunisia and Egypt*. Institut Català Internacional per la Pau Barcelona. Working Paper No. 2012/7. December. 63 p.

Salvador P., Vivar P.C., de Vera E., Inocian R.B., Rosaroso R.C. 2017. Influence of Facebook to Voters' Political Practices. – *Asia Pacific Journal of Education, Arts and Sciences*. Vol. 4. No. 1. P. 15-23.

Shepherd R. 2000. *Czechoslovakia: The Velvet Revolution and Beyond*. London: Palgrave Macmillan. 204 p. https://doi.org/10.1057/9780230288638

Taylor P.A., Harris J.L. 2008. *Critical Theories of Mass Media: Then and Now*. N.Y.: Open University Press. 233 p.

The Handbook of Media and Mass Communication Theory. 2014. Ed. by Fortner R.S., Fackler P.M. Malden: John Wiley & Sons, Inc. 1008 p.

The Role of Social Media in the Arab Uprisings – Past and Present. Ed. by Taki M., Coretti L. 2013. – *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 9. No. 2. 122 p.

Tilly Ch. 1978. *From Mobilization to Revolution*. N.Y.-London: McGraw-Hill Publishing Co. 349 p.

Wolfsfeld G., Segev E., Sheafer T. 2013. Social Media and the Arab Spring: Politics Comes First. – *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 18. No. 2. P. 115-137. URL: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1940161212471716 (accessed 09.09.2018).

DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06

"VELVET REVOLUTION" IN ARMENIA: POTENTIAL, GAINS AND RISKS OF POLITICAL PROTEST ACTIVITY

A.V. Atanesyan[1]

[1] *Yerevan State University. Yerevan, Armenia*

ATANESYAN Arthur Vladimirovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Yerevan State University. Email: atanesyan@yandex.ru

Atanesyan A.V. "Velvet Revolution" in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. – Polis. Political Studies. 2018. No. 6. P. 80-98. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06

Received: 16.08.2018. Accepted: 29.09.2018

Abstract. The paper is focused on the public protests in Armenia in spring 2018 which caused the change of ruling elites. The new elite announced perspective directions of modernization, mostly in internal politics, including fight against authoritarian regime, corruption and economic monopoly developed by the previous government. It is demonstrated that the protests and slogans of spring 2018 are logically connected with accumulated culture and potential of protesting against institutionalized mechanisms of circulation of ruling elites inside the same political-oligarchic group and reflected public disagreement with situation in domestic economy and policy (which also caused mass emigration from the country). Comparably high level of freedom of speech in the country, critical public discourse on the lasting domestic issues, stagnation and on the failures of the ruling elites to tackle them influenced accumulation of protest potential, as well as accompanied public protests of the last decade, including the recent one. The arguments of the paper are based on author's involved observations during mass protests in Armenia in April-May 2018, analysis of mass media and online publications, public discussions in social media, as well as interviews with Armenian experts – sociologists, political scientists, cultural anthropologists, historians and journalists. Along with that, secondary analysis of sociological and statistical data collected prior to the protests in 2018 and demonstrating the level of trust to political institutions, public perceptions on actual political and economic issues, as well as on participation in antigovernment protests, is implemented and serves as the context to demonstrate actual background for the recent protests. The paper represents an explanatory attempt to assess the causes of the protests and change of government in spring 2018 in Armenia, as well as to describe the forms of protest behavior, including communication and interaction models of the protesters. There is also an attempt to find out and demonstrate some risks and dysfunctions of the protest activities and especially post-protest political processes in the country, including construction and development of misperceptions and biased forms of framing of the mass protests in 2018 in the communication and media environment.

Keywords: Velvet Revolution; Armenia; protest potential; models of protest behavior; Nikol Pashinyan; fight against corruption; virtual social networks; political communication; dysfunctions and risks.

References

Borgesius F.J.Z., Möller J., Kruikemeier S., Fathaigh R.Ó, Irion K., Dobber T., Bodo B., de Vreese C. Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy. – *Utrecht Law Review*. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 82-96. http://doi.org/10.18352/ulr.420

Breuer A. *The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest Evidence from the Tunisian Revolution*. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik gGmbH. 2012. 33 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (accessed 09.09.2018).

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security. A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers Inc. 1997. 239 p.

Carlisle J.E., Patton R.C. Is Social Media Changing How We Understand Political Engagement? An Analysis of Facebook and the 2008 Presidential Election. – *Political Research Quarterly*. 2013. Vol. 66. No. 4. P. 883-895. https://doi.org/10.1177/1065912913482758

Chebib N.K., Sohail R.M. The Reasons Social Media Contributed to The Egyptian Revolution. – *International Journal of Business Research and Management.* 2011. Vol. 2. No. 3. P. 139-162.

Fomin I.V., Silaev N.Yu. Armenian Nationalism vs. Armenian State: Cleavages and Coalitions in the Discourses on Sasna Tsrer. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 3. P. 78-92. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06

Gandi M. *Revolyuciya bez nasiliya* [Revolution without Violence]. Moscow: Algoritm. 2012. 480 p. (In Russ.)

Habrieva T. YA., Chirkin V. E. *"Cvetnye revolyucii" i "arabskaya vesna" v konstitucionnom izmerenii* ["Colored Revolutions" and "Arab Spring" in the Constitutional Dimension. Moscow: Norma, INFRA M. 2018. 192 p. (In Russ.)

Kalsnes B. The Social Media Paradox Explained: Comparing Political Parties' Facebook Strategy Versus Practice. – *Social Media + Society*. April-June. 2016. P. 1-11. https://doi.org/10.1177/2056305116644616

Lane D. The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? – *BJPIR*. 2008. Vol. 10. P. 525-549. https://doi.org/10.1111/j.1467-856x.2008.00343.x

Lange S. The End of Social Media Revolutions. – *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2014. Vol. 38. No. 1. Winter. P. 47-68. URL: https://static1.squarespace.com/static/579fc2ad725e253a86230610/t/57ec77fabe6594808a454108/1475115002886/38-1_Lange1.pdf (accessed 15.09.2018).

Larsson A.O., Kalsnes B. 'Of course we are on Facebook': Use and non-use of social media among Swedish and Norwegian politicians. – *European Journal of Communication*. 2014. Vol. 29. No. 6. P. 653-667. https://doi.org/10.1177/0267323114531383

Marzouki Y., Skandrani-Marzouki I., Be´jaoui M., Hammoudi H., Bellaj T. The Contribution of Facebook to the 2011 Tunisian Revolution: A Cyberpsychological Insight. – *Cyberpsychology, Behavior, And Social Networking*. 2012. Vol. 1. No. 5. P. 237-244. https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0177

Metzger M.M., Tucker J.A. Social Media and EuroMaidan: A Review Essay. – *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. No. 1. P. 169-191. https://doi.org/10.1017/slr.2017.16

Naumov A.O. "Colored Revolutions" on the Post-Soviet Space: View Ten Years Ago. – *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2014. No. 45. P. 148-178. (In Russ.)

Ott B. L. The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement. – *Critical Studies in Media Communication*. 2017. Vol. 34. No. 1. P. 59-68. http://dx.doi.org/10.1080/15295036.2016.1266686

Salanova R. *Social Media and Political Change: The Case of the 2011 Revolutions in Tunisia and Egypt.* Institut Català Internacional per la Pau Barcelona. Working Paper No. 2012/7. 2012. December. 63 p.

Salvador P., Vivar P.C., de Vera E., Inocian R.B., Rosaroso R.C. Influence of Facebook to Voters' Political Practices. – *Asia Pacific Journal of Education, Arts and Sciences*. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 15-23.

Shepherd R. *Czechoslovakia: The Velvet Revolution and Beyond*. London: Palgrave Macmillan. 2000. 204 p. https://doi.org/10.1057/9780230288638

Siushkin A.E., Milaeva O.V. *Teorii sotsial'noi revolyutsii KhKh veka v Zapadnoi Evrope i SShA: obzor osnovnykh napravlenii* [Theories of Social Revolution of the XX Century in Western Europe and USA: Review of the main Directions]. – Vzglyad cherez stoletie: revolyutsionnaya transformatsiya 1917 goda (obshchestvo, politicheskaya kommunikatsiya, filosofiya, kul'tura). Sb. st. vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Penza, 29-30 sentyabrya 2017 goda, g. Penza). Pod red. O.V. Milaevoi, O.V. Chernovoi [A Glimpse through the Century: the Revolutionary Transformation of 1917 (Society, Political Communication, Philosophy, Culture). Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, September 29-30, 2017). Ed. by O.V. Milaeva, O.V. Chernova. Praga: Sociosfera-CZ. 2017. P. 190-208. (In Russ.) https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.19

Sorokin P.A. *Sociologiya revolyucii* [Sociology of Revolution]. Moscow: ROSSPEN. 1998. 703 p. (In Russ.)

Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. *Teoriya i tekhnologii social'noj destrukcii (na primere "cvetnyh revolyucij")* [Theory and Technologies of Social Destruction (on Example of "Color Revolutions")]. Moscow: Russian Biographical Institute, Institute of Economic Strategies. 2016. 433 p. (In Russ.)

Taylor P.A., Harris J.L. *Critical Theories of Mass Media: Then and Now*. N.Y.: Open University Press. 2008. 233 p.

The Handbook of Media and Mass Communication Theory. Ed. by Fortner R.S., Fackler P.M. Malden: John Wiley & Sons, Inc. 2014. 1008 p.

The Role of Social Media in the Arab Uprisings – Past and Present. Ed. by Taki M., Coretti L. – *Westminster Papers in Communication and Culture.* 2013. Vol. 9. No. 2. 122 p.

Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. N.Y.-London: McGraw-Hill Publishing Co. 1978. 349 p.

Wolfsfeld G., Segev E., Sheafer T. Social Media and the Arab Spring: Politics Comes First. – *The International Journal of Press/Politics.* 2013. Vol. 18. No. 2. P. 115-137. URL: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1940161212471716 (accessed 09.09.2018).